

Декабрь 2008-го. Мончегорск. Детская городская библиотека. Масловские чтения. Нас, представителей «Цеха Изыщной Словесности» пригласили участвовать и, кроме прочего, провести нечто вроде творческой мастерской с юными литераторами, пробующими свои силы в поэзии и прозе. А от Мурманского областного отделения СПР приехал Дмитрий Коржов. Так мы и познакомились. Прежде также приходилось несколько раз пересекаться, но по делам журналистским, ибо Дима трудился в «Мурманском вестнике», а я был в ту пору корреспондентом отдела телевидения редакции «Мончегорского рабочего», то есть некоторое представление друг о друге мы имели, но близко общаться не приходилось.

Надо сказать, что тогда, на Масловских чтениях, все прошло так, словно мы с Коржовым давным-давно знали друг друга. Общий язык был найден в считанные минуты, приоритеты наши в литературе и в жизни оказались во многом сходными, вдобавок, к тому времени уже вышел седьмой номер альманаха областного отделения СПР «Площадь первоучителей», где составитель, Марина Чистоногова, сочла возможным опубликовать наши с Гришей Сыпко подборки стихов, и Дима привез несколько номеров с собой, уже составив некоторое мнение о нас как о поэтах и потому было о чем поговорить. Мало того, этот декабрьский субботний день был приурочен к нашему очередному творческому вечеру в «Цехе Изыщной Словесности». Мы, конечно же, пригласили в Театральную гостиную ГЦК и Дмитрия, тем паче что и ему было что рассказать о первой книге своего романа «Мурманцы», впоследствии ставшего трилогией. Вечер удался на славу, и вот с того времени и начались наши с Коржовым дружба и творческое сотрудничество, не всегда гладкие и благостные, но неизменно плодотворные и основанные прежде всего на взаимном уважении и общности интересов.

Дима не был простецким парнем, своим в доску, открытым и ко всем дружелюбным, напротив, многим он мог показаться и казался довольно жестким, желчным, неуживчивым и время от времени рубящим с плеча. Все сие одновременно и так, и не так. Прежде всего, моего коллегу отличало мощное творческое дарование, подкрепленное прекрасным гуманитарным образованием и отличным литературным вкусом. Как любой истинный художник, он имел довольно сложный характер и мог быть весьма норовистым, но при этом очень тонко чувствовал оппонента и всегда был готов оказать помощь начинающему коллеге, особенно если чувствовал в нем определенный потенциал и желание совершенствоваться. Не зря же именно Дмитрий многие годы вел литобъединение как при нашей писательской организации, так и в Североморске, искренне и очень квалифицированно помогая молодым поэтам и прозаикам что называется встать на ноги.

Кстати, и мою первую книгу стихов, и книгу Гриши Сыпко составил тоже Коржов. И очень поспособствовал их выходу в свет. И неоднократно писал о нас в «Мурманском вестнике». Мы пришли в литературу разными путями, путь Димы был более прямым и логичным, мой, напротив, слишком извилистым и долгим, и я очень благодарен ему за оказанное в свое время содействие. Да разве только я? Повторяю, при всей сложности своей натуры Коржов всегда хотел и умел помогать коллегам именно конкретными делами, он умел быть чутким, не снижая своей высокой требовательности в плане творческом. Это очень помогало ему и на поприще литературной критики. А чего стоила его статья о трех поколениях мурманских писателей, опубликованная в журнале «Север» на рубеже нулевых и десятых годов нового века! Прелестное, на мой взгляд, и очень профессиональное исследование, существенно упорядочившее историю создания, становления и развития нашей писательской организации, весьма полезное и для широкого круга читателей.

На мой взгляд, Дмитрий совершенно естественно и органично со временем занял одно из ведущих мест в нашем отделении СПР, ибо был он человеком деятельным по натуре, причем не просто деятельным, а полезно и плодотворно. Его интересовал не только литературный процесс как таковой, но и внимание

читательской аудитории к результатам процесса, общественное положение и влияние на общественную жизнь писателей Мурмана¹, значение отечественного художественного слова для наших земляков и для современных людей. И то, что он, уже будучи весьма известен и признан как поэт, взялся за создание уже упомянутых «Мурманцев», яркое тому подтверждение. Работая в старейшей газете Кольского края, будучи искренне преданным своему городу, Дима старался как можно подробнее изучить его историю и в итоге стал очень осведомленным специалистом по краеведению, что, конечно, сыграло свою роль при написании трилогии. Причем становление Коржова-романиста очень наглядно происходило от книги к книге и отражалось в совершенствовании стилистики, сюжетных коллизий и решений, образов и поступков героев, авторских обобщениях и выводах. И в итоге «Мурманцы» стали единственным в своем роде художественно-историческим повествованием, посвященным главному городу Кольского Заполярья. И даже название романа-трилогии исторично, ибо именно так называли себя жители города в первые годы его существования, в годы гражданской войны, коим посвящена первая книга.

Собственно, я хотел бы вот о какой особенности трилогии упомянуть. Одна из героинь первой книги, девушка из Печенги, Маша Филатова, во втором томе, в 1942-м году, уже предстает перед нами капитаном рыболовецкого судна, то есть Дмитрий слегка скорректировал биографию прототипа своей героини, легендарной Валентины Яковлевны Орликовой, которая в годы Великой Отечественной ходила штурманом и третьим помощником капитана на пароходе «Двина» Северного пароходства. Помните, некоторые читатели и критики были этим не очень довольны, однако же я в данном случае полностью солидарен с автором,

¹ Мурман — местное название Мурманска, а также название всего Мурманского берега и Кольского полуострова.

поскольку его «вымысел» мало противоречит исторической правде и служит благородному делу героизации образа наших советских женщин, а также еще раз подчеркивает их огромнейший вклад в дело достижения победы над гитлеровскими захватчиками. Я не всегда разделяю тезис о том, что автор волен распоряжаться судьбой своих персонажей как ему угодно, но в данном случае считаю, что все оправданно и правильно. Такие детали существенно оживляют роман и добавляют всему повествованию естественной душевности.

И это не единственный эпизод в «Мурманцах», вполне органично вписаны в роман и возвращение в город с очередным полярным ленд-лизовским караваном одного из главных персонажей первой книги, русского морского офицера Алексея Кольцова, и милейший эпизод из третьего тома, когда радист ледокола «Ленин», наш незабвенный Виталий Семенович Маслов, в будущем и писатель, и общественный деятель, приглашает на свою свадьбу Фиделя Кастро, который в рамках своего визита на Кольский Север прибыл на экскурсию на первенец советского атомного ледокольного флота в сопровождении Анастаса Микояна, и другая подобная конкретика, в частности, появление на страницах третьей книги Виктора Леонтьевича Тимофеева, нашего старейшего поэта и соратника Маслова во многих общественных делах.

«Мурманцы» предельно реалистичны, и если в первой книге, на мой взгляд, создается впечатление, что главный герой существует в некоей параллельной реальности относительно происходящих событий, воспринимая их, но лишь принимая как данность, хоть и формируя к ним свое отношение и поступая сообразно этому отношению, то в следующих частях трилогии этого ощущения нет и в помине. Вторая часть, «1942-й», напротив, написана весьма натуралистично и порой даже безжалостно, как и положено честному повествованию о войне. И гибель при выполнении боевого задания сына Кольцова и Даши, молодого летчика-сафоновца, долгое время считавшегося пропавшим без вести и обнаруженного и обретшего упокоение лишь в мирное время, о чем читатель узнает уже в третьей книге, великолепно иллюстрирует бессмертный подвиг наших воинов

и советского народа в целом, вместе с тем подчеркивая абсолютную безжалостность военных коллизий.

Безусловно, творчество Дмитрия Коржова это отнюдь не только «Мурманцы», и состоялся он прежде всего как поэт, и в довольно раннем возрасте: его первая книга стихов, «Ровеснику отцу», увидела свет в 1992-м благодаря патронажу Виталия Семеновича Маслова. Поэзия его охватывала самый широкий спектр жизни, переживаний, мыслей и чувств человеческих, от любовной до гражданско-философской лирики, а также стихов ярко выраженной патриотической направленности, от «Мы вышли из СССР...» до стихов на возвращение Крыма, когда «...чужого не взяли, вернули свое...». Иначе и быть не могло, Дима всегда был «человеком от мира сего...» в самом положительном смысле такой характеристики, он жил полной и насыщенной событиями жизнью, никогда не сторонился ее, был, что называется, «в теме». Его стихи отличала довольно сдержанная, выверенная, я бы сказал, поэтика, весьма оригинальная именно своей скупостью, и наряду с этим ему удавалось быть весьма красноречивым и более чем убедительным.

Отдельной «песней» Коржова была журналистика. В свое время вышла книга, состоящая из двадцати одного интервью, взятых у известных личностей, в разное время приезжавших в Мурманск, от хоккеиста Мишукова до поэта Евтушенко. Дима был прекрасным интервьюером, умел задавать довольно острые вопросы, требующие откровенных ответов, однако задавая их сохранял такт и уважение к собеседнику, его интервью всегда оригинальны, интересны и очень органично сочетают как традиционные, так и абсолютно нестандартные направления в общении. Коржов-журналист умел написать острый репортаж и глубокое аналитическое исследование, мог профессионально скомпоновать газетный номер, недаром долгое время являлся выпускающим редактором субботнего номера «Мурманского вестника».

И еще одно направление литературной работы Коржова заслуживает нашего пристального внимания. Это умение и желание писать о своих коллегах, о своих учителях, старших товарищах. На мой взгляд, особенно ярко это проявилось в биографическом

романе-исследовании «Несмиренный живописец», посвященном жизни, творчеству и общественной деятельности одного из патриархов нашей Кольской литературы, незабвенного Виталия Семеновича Маслова. Книга действительно стала исследованием, поскольку Дмитрий смог поработать с личным архивом Виталия Семеновича, такую возможность ему предоставила вдова Маслова Валентина Устиновна. Оно и понятно, Коржов во всех смыслах был и учеником, и преемником, продолжателем дела Виталия Семеновича, и в жизни они контактировали весьма близко.

В результате получился очень интересный, информативный, душевно написанный роман-жизнеописание, роман о своеобразном творческом пути, о многих гражданских инициативах, воплощенных в жизнь радением Маслова, Тимофеева и команды их соратников-единомышленников, среди коих главным делом стало возрождение празднования Дней славянской письменности и культуры тогда еще в Советском Союзе, а теперь и в современной России. Ведь первые возрожденные торжества прошли именно в Мурманске в 1986-м году. А памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на Площади Первоучителей перед Мурманской областной научной библиотекой является точной копией стоящего перед Национальной библиотекой в Софии. Его подарили нам болгарские коллеги, и в столицу Кольского края он попал после долгого пути через весь Советский Союз на автомобиле КамАЗ с остановкой в городах нашей страны, в том числе и в Киеве, и встречи эти происходили при огромном стечении народа. И если кто-то из столичных наших коллег или чиновников об этом забыл, то именно Дмитрий Коржов очень внятно и точно описал события тех, уже довольно далеких, лет.

Другой значимой и реализованной инициативой Виталия Семеновича и Мурманского отделения СПР, о которой Дима написал в «Несмиренном живописце», был проведенный в 1997-м году Славянский ход, участники которого посетили братские славянские страны Болгарию и Сербию, а также Республику Сербскую, встречались с представителями творческой интеллигенции, служителями православной церкви, проводили совместные мероприятия, посвященные славянскому искусству и литературе.

В этом походе приняли участие и Коржов, и еще один Дмитрий, Ермолаев — самые молодые представители Кольской литературы в то время. И надо сказать, что инициатором второго Славянского хода в 2018-м году был именно Дмитрий Коржов. Он и нынешний глава нашей писательской организации, Илья Виноградов, стали буквально «двигателями» этой идеи и в результате успешно воплотили ее в жизнь, ибо Славянский ход вновь посетил и Сербию, и Республику Сербскую, а участники хода, кроме прочего, встретились с ее президентом.

Успел Дима написать и о Николае Колычеве, большом русском поэте, нашем хорошем товарище, гордости Кольской литературы, есть у него материалы, так или иначе посвященные творчеству других поэтов и писателей старшего поколения. Коржов, при, повторяю, очень порой непростых отношениях с некоторыми своими коллегами, всегда старался разделять профессиональную оценку творчества от скоропалительных эмоциональных выводов, он был чужд конъюнктурных соображений и какого бы то ни было приспособленчества и действовал чаще всего по велению не только разума, но и сердца, что не всегда шло на пользу ему самому, но я, например, всегда ценил Дмитрия именно за искренность, требовательность, за высокую литературную квалификацию и за умение разделять творчество и повседневность.

Пожалуй, последние лет десять Дима издавался очень часто, очевидно, что и материала у него было накоплено более чем достаточно, и работал он много и увлеченно. В известной степени, то есть в личном плане, Дима был довольно одинок, вел жизнь холостяка, и вполне понятно, что литературная работа для него была главным делом его жизни. Он был востребован и как эксперт, входил в состав жюри многих литературных фестивалей, как в нашем регионе, так и в России, часто мотался по стране — Челябинск, Кемерово, Омск. Мне часто приходилось работать с ним в составе жюри форума-фестиваля «Капитан Грэй» и в финальной стадии «Осиянного слова», и могу сказать, что при всех наших вполне естественно возникающих частных разногласиях, мнения все-таки в главном оставались вполне схожими, и даже вполне солидарными.

Вот так. О Дмитрие Коржове можно и, что совершенно очевидно, будет нужно написать более развернуто и подробно. В своем повествовании я лишь хотел обозначить некоторые краеугольные основы его творческой жизни и работы, проиллюстрировать основные его качества как человека и литератора, дабы не «растечься мыслию по древу», что чревато уходом в частности, в мелкие подробности, и потерей чувства избранной канвы. В завершение хочу сказать лишь следующее: мне в жизни очень повезло, что полтора десятка лет я дружил и сотрудничал с таким человеком, как Дима, что судьба свела меня с ним, что в творчестве и в жизни мы были очень близкими друзьями и соратниками. Повторяю, мой друг и коллега для меня остался живым, кажется только, что он отлучился по необходимости, но и сейчас незримо присутствует рядом.

Вадимир Трусов, член Союза писателей России.